

DOI 10.35775/PSI.2025.73.8.010

УДК 32.327

ЧЖЭН НАНЬ

доктор политических наук (PhD),
ассистент-профессор Института международных
и региональных исследований Университета Цинхуа, Китай
E-mail: zhengnan_thu@163.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В МОНГОЛИИ И СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» США

В последние десятилетия религиозный ландшафт Монголии претерпел существенную трансформацию. Наряду с восстановлением традиционного тибетского буддизма в стране стремительно распространилось христианство, ранее занимавшее периферийное положение в общественной и духовной жизни. В настоящей статье исследуется феномен роста христианских сообществ в постсоциалистической Монголии, при этом особое внимание уделяется внешним факторам, способствовавшим данному процессу, в первую очередь – целенаправленной деятельности Соединенных Штатов Америки. На основе анализа религиозной политики, деятельности неправительственных организаций, образовательных инициатив и гуманитарных программ автор выявляет механизмы использования христианства в качестве одного из каналов реализации американской «мягкой силы» в Монголии.

Ключевые слова: Монголия, христианство, «мягкая сила», религиозная политика, США, НПО, культурное влияние, геополитика.

Введение. После окончания холодной войны религиозная сфера Монголии претерпела кардинальные изменения. Религиозная вера, подвергавшаяся систематическому подавлению в советский период, начала активно возрождаться с началом демократических преобразований 1990-х годов. Тибетский буддизм как традиционная система верований монгольского общества был восстановлен [6. С. 18-34], однако параллельно христианство, ранее имевшее крайне ограниченное влияние, за несколько десятилетий пережило стремительное развитие и заняло значительное место на религиозной карте страны [4. С. 546-568].

Особенно примечательно, что рост христианства в Монголии стал результатом не естественной эволюции религиозного сознания, а следствием активного вмешательства со стороны Соединенных Штатов и связанных с ними религиозных организаций, неправительственных структур, образовательных и культурных программ [3. С. 158-184]. Данный процесс оказался глубоко интегрирован в стратегию американской «мягкой силы» [10. С. 85-97], направленную на воздействие на социальную структуру и внешнеполитическую ориентацию Монголии с целью завоевания геополитических преимуществ в противостоянии с Китаем и Россией [8].

Цель данной статьи заключается в анализе механизмов распространения христианства в Монголии и детальном рассмотрении роли США в этом процессе. Автор стремится продемонстрировать, каким образом религия становится инструментом геополитического соперничества XXI века и как Соединенные Штаты используют религиозные каналы для расширения влияния в стране, находящейся в зоне пересечения стратегических интересов Китая и России.

I. Религиозное возрождение и структурные трансформации в Монголии.

В начале 1990-х годов Монголия под воздействием демократических движений отказалась от однопартийной системы правления и установила многопартийную парламентскую систему, провозгласив принцип свободы вероисповедания и положив конец полувековому подавлению религии в советский период [4. С. 546-568]. Конституционные и законодательные акты страны закрепили право граждан на свободу совести и религиозной проповеди, а также предоставили религиозным организациям возможность официальной регистрации. На данном институциональном фундаменте в монгольском обществе начался интенсивный процесс религиозного возрождения.

Тибетский буддизм как традиционно доминирующая религия первым восстановил свое присутствие в общественной жизни [6. С. 18-34]. Множество разрушенных монастырей было отстроено заново, возобновилась система подготовки лам, и буддизм вновь занял место в духовной жизни монгольского народа. Однако после десятилетий атеистического воспитания и процессов секуляризации влияние буддизма восстановилось далеко не в полном объеме. Молодое поколение монголов в значительной степени утратило понимание буддийских ритуалов и религиозного языка, а также демонстрировало ограниченный интерес к традиционной религиозной культуре [1. С. 158-163]. Кроме того, буддийское духовенство столкнулось с проблемами старения кадров и дефицита молодых последователей, что негативно сказалось на его привлекательности среди молодежи.

Одновременно политика религиозной свободы открыла возможности для проникновения в Монголию новых, ранее не характерных для нее религиозных течений [13. С. 158-163]. Среди них наиболее динамичное развитие получило христианство. Христианские организации оперативно добились значительного общественного присутствия, действуя в рамках легальной регистрации и реализуя благотворительные мероприятия, программы социального обслуживания и курсы изучения английского языка. Особенно в городских центрах, таких как Улан-Батор, рост христианских общин происходил с неожиданной интенсивностью – численность верующих и количество религиозных центров увеличивались в геометрической прогрессии [12. С. 85].

Распространение христианства в Монголии нельзя рассматривать как случайное явление или исключительно как результат спонтанной трансформации местных верований. Именно благодаря сочетанию таких факторов, как неполное восстановление буддизма, отсутствие у молодежи устойчивого религиозного опыта, а также либеральная государственная политика, христианство получило

уникальное структурное окно возможностей для укоренения и стремительной экспансии на монгольской территории.

II. Развитие христианства в Монголии: пути, механизмы и логика распространения. После завершения эпохи холодной войны Монголия стала одной из немногих стран Центральной и Восточной Азии, полностью открывших пространство для религиозной деятельности. Благодаря либеральной государственной политике в религиозной сфере и духовному вакууму, возникшему в период социально-политической трансформации, христианство в Монголии начало стремительно распространяться [4. С. 546-568]. Из узкого сообщества, насчитывавшего несколько сотен последователей, оно трансформировалось во вторую по численности религию в стране. Столь интенсивный рост и широкая сфера проникновения привлекли пристальное внимание как внутри Монголии, так и за ее пределами.

1. Рост численности верующих и расширение организационных структур. В начале 1990-х годов число христиан в Монголии составляло лишь несколько сотен человек, преимущественно иностранных граждан, а миссионерская деятельность полностью зависела от зарубежных проповедников [5. С. 78-95]. Однако с начала XXI века количество верующих демонстрировало устойчивый рост. К 2000 году число христиан превысило 10 000 человек, к 2010 году достигло более 40 000, а по оценкам на 2020-е годы составляет от 60 000 до 80 000 человек, что соответствует приблизительно 2,5-3% от общей численности населения [12. С. 85]. Учитывая, что общая численность населения Монголии составляет около 3,3 миллиона человек, христианство стало второй по величине религией после тибетского буддизма, что свидетельствует о существенном изменении религиозной структуры страны.

Параллельно с ростом численности верующих происходило быстрое расширение сети христианских организаций. В 1994 году в Монголии было зарегистрировано лишь 24 христианские организации, однако к 2010 году их количество приблизилось к 200, что составило около 40% от общего числа зарегистрированных религиозных организаций страны [4. С. 546-568]. Данные структуры сосредоточились не только в столице Улан-Баторе, но постепенно распространились в региональные центры и отдельные сельские районы, формируя устойчивую и разветвленную религиозную сеть.

2. Пути распространения: интеграция многообразных форм и социальных функций. Распространение христианства в Монголии давно вышло за рамки традиционного проповедничества и приобрело комплексный характер, интегрируя религиозную деятельность с социальной помощью, образовательными программами и культурными инициативами. Таким образом сформировалась целостная система распространения, объединяющая религиозные, социальные и культурные компоненты.

Во-первых, значительную роль играет образовательный канал. США и связанные с ними христианские организации активно поддерживают создание в Монголии учебных заведений различного уровня – от языковых курсов

до университетов. Бесплатные или низкооплачиваемые курсы английского языка пользуются особой популярностью среди молодежи [13. С. 158-163], при этом в них часто интегрируются элементы библейского образования и христианской культуры, способствуя формированию мягкого религиозного воздействия.

Во-вторых, важную роль играет благотворительная деятельность. Христианские организации активно работают в социально уязвимых сообществах, предоставляя продовольственную помощь, медицинские услуги, поддержку детям-сиротам и молодым матерям. Такие программы, как «Ворлд Вижн (World Vision)» или «Самаритянская сумка (Samaritan's Purse)», внешне позиционируются как гуманитарные инициативы, однако на практике часто сопровождаются религиозными контактами и элементами вероучения. Таким образом формируется модель «социального служения в обмен на религиозное признание», в которой материальная поддержка становится инструментом укрепления религиозного влияния.

Кроме того, христианские организации используют широкий спектр культурных форматов – молодежные лагеря, концерты, кинопоказы, волонтерские акции – для повышения своей привлекательности. Многие из этих мероприятий внешне представляют собой светские инициативы, однако фактически они способствуют повседневной интеграции христианских ценностей. Особенно эффективно данная стратегия работает среди представителей городского среднего класса и студенческой молодежи.

3. Конфессиональная структура и тенденции локализации. Христианство в Монголии представлено преимущественно евангельскими и пятидесятническими движениями, а также в меньшей степени – традиционными протестантскими конфессиями (лютеранами, баптистами) и католическими организациями [12. С. 85]. Наиболее динамичный рост демонстрируют евангельские церкви, акцентирующие внимание на личном спасении, принадлежности к религиозному сообществу и миссионерской деятельности. Данные конфессии особенно активны в местной проповеднической работе и в построении устойчивых общинных связей.

Пятидесятнические церкви привлекают молодых верующих акцентом на духовные переживания, эмоциональную проповедь и коллективные ритуалы. Их динамичная и экспрессивная религиозная атмосфера резко контрастирует с торжественной и сдержанной буддийской литургией, что делает их особенно привлекательными для определенных категорий населения. В то же время традиционные протестантские церкви и католические приходы развиваются медленнее, но обладают институциональной стабильностью и зрелой организационной базой [2. С. 670-683]. Они сохраняют влияние преимущественно благодаря образовательным проектам и международному сотрудничеству.

По мере увеличения численности местных последователей начала формироваться собственная сеть монгольских пасторов и церковных организаций, что стимулирует адаптацию христианства к местной культуре [5. С. 78-95]. Некоторые приходы перешли на проповедь на монгольском языке, включают

в богослужения местную музыку и элементы национальных традиций, стремясь достичь гармонии между глобальной религиозной структурой и локальной культурной идентичностью [1. С. 158-163]. Данный процесс способствует постепенной трансформации христианства из «внешней веры» в органическую составляющую общественной и духовной жизни Монголии.

4. Механизмы общественного принятия и движущие силы распространения. Стремительное распространение христианства в Монголии на первый взгляд объясняется провозглашением свободы вероисповедания и процессами социальной трансформации. Однако в действительности оно укоренено в высокосоциализированных и функционально адаптированных механизмах религиозной экспансии [4]. В 1990-е годы монгольское общество переживало радикальные преобразования: экономический кризис, дезорганизацию социальных институтов и духовный вакуум. Традиционный буддизм, ослабленный предыдущими десятилетиями репрессий, не смог оперативно восстановить функции социальной поддержки и общественного служения [6. С. 18-34]. В данных условиях христианские организации предложили «осязаемую помощь» в прагматичном формате, что обеспечило им широкое признание со стороны населения.

Кроме того, молодое поколение монголов испытывает значительное тяготение к западной культуре и образу жизни [13. С. 158-163]. Стремление к изучению английского языка, получению образования за рубежом и построению профессиональной карьеры делает молодежь более восприимчивой к религиозным формам, ассоциируемым с Западом. Христианство, выступающее как комплекс культурных, образовательных и ценностных ориентиров, органично интегрируется в систему представлений городской молодежи.

Таким образом, распространение христианства в Монголии не является изолированным религиозным феноменом, а представляет собой комплексный процесс, встроенный в системы социального обслуживания, образовательных структур и культурных каналов. Его успех обусловлен не только привлекательностью религиозного содержания, но и стратегическим соответствием между организационными практиками, дискурсом и общественными потребностями. Именно это соответствие создает прочную основу для вовлечения внешних акторов – прежде всего США – в формирование социальной идентичности и идеологических ориентаций монгольского общества посредством религиозных инструментов.

III. Механизмы продвижения со стороны США и стратегия «мягкой силы». Распространение христианства в Монголии не являлось результатом спонтанного эволюционного процесса, а представляло собой следствие продолжительного, систематически организованного и целенаправленного вмешательства со стороны Соединенных Штатов [3. С. 158-184]. Правительство США, церковные структуры, неправительственные организации (НПО), а также образовательные инициативы с религиозной основой функционировали в рамках межведомственного и межсекторального сотрудничества, продвигая христианство в Монголии как составную часть более широкой стратегии «мягкой силы»

и переформатирования геополитического влияния [7. С. 212-223]. Данный процесс стал типичным примером характерной для США в постбиполярный период «триединой» модели проникновения в страны развивающегося мира, где религиозная деятельность, социальное служение и идеологическое воздействие тесно взаимосвязаны [10. С. 85-97].

1. Прямая миссионерская деятельность евангельских организаций.

Евангельские движения, играющие важную роль в американской религиозной и внешнеполитической системе, стали основными инициаторами христианской миссии в Монголии [3. С. 158-184]. Начиная с 1990-х годов американские евангельские миссионеры активно работали в стране, проводя камерные богослужения, встречи на уровне местных сообществ, курсы по изучению вероучения и подготовку новых последователей. Вскоре были созданы разветвленные церковные сети. Такие организации, как «Христианский и миссионерский альянс» (Christian and Missionary Alliance, CMA) и «Молодежь с миссией» (Youth With A Mission, YWAM), не только распространяли христианскую веру, но и уделяли значительное внимание подготовке местных пасторов, адаптации церквей к монгольским условиям и развитию программ социального служения [12. С. 85].

Евангелисты делали ставку на мобилизацию широких народных масс и индивидуальное обращение в веру. Их церковная модель базировалась на демократических принципах и современных организационных формах, что хорошо соотносилось с «общинным вакуумом», возникшим в Монголии на ранних этапах общественной трансформации [4]. В таких городах, как Улан-Батор, евангельские церкви постепенно выстраивали комплексные системы, сочетающие религиозное наставничество, образовательные инициативы и социальную помощь, что не только укрепляло религиозную идентичность верующих, но и создавало ощущение принадлежности к сообществу, расширяя сферу их влияния.

2. Встраивание религиозной деятельности в работу НПО и гуманитарную помощь. Наряду с религиозно ориентированной стратегией евангельских организаций значительное воздействие в Монголии оказывали неправительственные организации христианского происхождения. Под эгидой гуманитарной помощи, образования и здравоохранения они реализуют в стране широкий спектр программ, которые на первый взгляд носят светский характер, но фактически сопровождаются религиозной пропагандой и миссионерской деятельностью. Тем самым формируется прагматичная модель распространения веры – «помощь в обмен на лояльность».

Так, организации «Ворлд Вижн (World Vision)» и «Самаритянская сумка (Samaritan's Purse)» ведут активную работу в беднейших регионах Монголии, открывая приюты для сирот, женские и детские медицинские учреждения, программы питания и социальной поддержки. Параллельно организуются занятия по изучению Библии, религиозные собрания и богослужения. В результате создается устойчивая сеть социальной помощи со встроенными элементами христианского влияния. Для социально уязвимых слоев населения участие

в подобных инициативах представляет собой не только способ получения необходимой помощи, но и один из основных каналов знакомства с христианством.

Эффективность такой «мягкой» стратегии заключается в ее способности обходить строгий государственный контроль над религиозной пропагандой в Монголии. Представляя себя как нерелигиозные организации, НПО формируют религиозное воздействие под видом социальной деятельности. Это существенно расширяет охват христианских структур на уровне местных сообществ и повышает степень психологической и культурной приемлемости их послания.

3. Образовательно-культурные платформы и трансляция ценностей.

Образовательные и культурные инициативы США в Монголии также составляют важный элемент религиозной стратегии «мягкой силы». Через программы типа Фулбрайта, образовательные гранты, межуниверситетское партнерство и стипендиальные механизмы США направляют значительное число монгольской молодежи на обучение в Америку, особенно в высшие учебные заведения с христианским фоном – такие как Колледж Уитона (Wheaton College) или Бейлорский университет (Baylor University) [3. С. 158-184]. В рамках академической подготовки молодежь постепенно погружается в христианскую ценностную систему, что способствует ее усвоению на глубинном уровне.

Кроме того, США поддерживают создание в Монголии высших учебных заведений с религиозной основой. Один из таких примеров – Международный университет Монголии (MIU), учрежденный при участии евангелических организаций из США и Республики Корея [13. С. 158-163]. Учебные программы в данном вузе сочетают библейскую этику, гуманитарное образование и воспитание граждан в духе западного демократического сознания. Английский язык используется не только как средство обучения, но и как носитель религиозного содержания, что усиливает символическую связь между христианством и модернизацией.

Подобная образовательная экспансия формирует у нового поколения монголов не только языковые и профессиональные компетенции, но и мировоззрение, ориентированное на индивидуализм, либеральную демократию и принципы общественного договора – ключевые компоненты западной идеологии [7. С. 212-223]. В результате в Монголии формируется лояльная к Западу социальная прослойка, способная стать основой для дальнейшего распространения американского влияния.

4. Геостратегические намерения: формирование идеологической буферной зоны.

С более широкой геополитической перспективы продвижение христианства в Монголии со стороны США представляет собой не просто культурную экспансию, но и элемент стратегического соперничества [8]. Монголия расположена между Китаем и Россией и традиционно находилась под значительным влиянием этих двух держав в религиозной, культурной и политической сферах. Тибетский буддизм, выступавший связующим звеном между Китаем и Монголией, длительное время служил каналом китайского влияния на монгольскую культурную идентичность [11. С. 121-137]. В советский период

атеистическая идеология и схожесть политических институтов укрепляли идеологическую близость Монголии с Россией [2. С. 670-683].

Распространяя христианство, США сознательно стремятся ослабить данные исторически сложившиеся влияния [10. С. 85-97]. С одной стороны, христианство трансформирует религиозную структуру Монголии, лишая тибетский буддизм монопольного положения и, таким образом, снижая культурно-религиозное влияние Китая. С другой стороны, протестантская модель свободы вероисповедания и индивидуального спасения контрастирует с православным христианством и присущей России симфонией церкви и государства [2. С. 670-683], что способствует идеологическому дистанцированию Монголии от постсоветского наследия.

Посредством религиозного фактора США формируют в монгольском обществе новые ценностные ориентиры и культурную идентичность, выстраивая своего рода идеологический буфер между Монголией и ее двумя историческими соседями [3. С. 158-184]. Это делает монгольскую элиту и общество в целом более восприимчивыми к прозападным политическим и внешнеполитическим ориентирам. Подобная стратегия «мягкой силы» не является уникальной: США активно применяли аналогичные подходы в ряде постсоветских и развивающихся стран после окончания холодной войны [7. С. 212-223], однако в случае с Монголией она проявляется особенно отчетливо.

Заключение. Стремительное распространение христианства в Монголии представляет собой не только феномен религиозного возрождения, но и отражает новые формы глобальной конкуренции «мягкой силы» в постбиполярном мире [10. С. 85-97]. Через церковные структуры, гуманитарную помощь, образовательные программы и культурные проекты США осуществляют не только религиозное воздействие, но и глубокое влияние на социальную структуру, систему ценностей и политические ориентации монгольского общества [3. С. 158-184].

Религиозная экосистема Монголии была существенно разрушена в советский период, а возрождение тибетского буддизма оказалось ограничено институциональной слабостью и межпоколенческим разрывом [6. С. 18-34]. На данном фоне христианство, обладая современными организационными формами, потенциалом социальной помощи и ассоциациями с западной культурой, смогло оперативно восполнить духовный и социальный вакуум. США, в свою очередь, использовали эту возможность для формирования в Монголии социального слоя с прозападной идентичностью, что усилило их долгосрочное влияние в регионе [8].

Таким образом, религия в современном контексте превращается в инструмент стратегического значения, связывающий идеологические установки, социальную мобилизацию и внешнеполитические ориентации [7. С. 212-223; 9. С. 595-596]. В условиях геополитического соперничества между Китаем и Россией именно трансформация религиозной среды и культурной идентичности может стать одним из определяющих факторов будущей роли Монголии в международной системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абаева Л.Л.** Христианские вариации и мотивы в монгольском мире: феномен религиозной конверсии // *Власть*. 2021. Т. 29. № 3.
2. **Алексеев М.С., Бадмацзыренов Т.Б., Васильева С.В.** Православная миссия в современной Монголии в религиозном контексте // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 4.
3. **Вутнов Р.** Безграничная вера: глобальная деятельность американских церквей. Беркли: Издательство Калифорнийского университета, 2009.
4. **Диркес Дж.** Неожиданное возрождение: религиозные организации, гражданское общество и политика в современной Монголии // *Азиатское обозрение*. 2007. Т. 47. № 4.
5. **Кемп Х.П.** Шаг за шагом по степи: христиане Монголии от древних корней до процветающей молодой церкви. Оксфорд: Монарх Букс, 2000.
6. **Кольмар-Пауленц К.** Буддизм в Монголии после 1990 года // *Журнал глобального буддизма*. 2003. Т. 4.
7. **Лебедева М.М.** «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 3 (54).
8. **Лузянин С.Г.** Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М.: Восток-Запад, АСТ, 2007.
9. **Мирелли М.А.** Обратная сторона социально-гуманитарного сотрудничества и образы мягкой силы // *Евразийский юридический журнал*. 2024. № 9 (196).
10. **Най Дж.С.** Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике. Нью-Йорк: ПабликЭффейрс, 2004.
11. **Никитин А.Б.** Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // *Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи*. М., 1984.
12. **Остин Д.** «Третье распространение»: истоки и развитие протестантского евангельского христианства в современной Монголии // *Религии*. 2017. Т. 8. № 5.
13. **Цогзолмаа Н.** Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии // *Народы и религии Евразии*. 2018. № 14 (1).

ZHENG NAN

Doctor of Political Sciences (PhD),
Assistant Professor, Institute for International
and Area Studies, Tsinghua University, China

THE EXPANSION OF CHRISTIANITY IN MONGOLIA AND THE SOFT POWER STRATEGY OF THE UNITED STATES

In recent decades, Mongolia has undergone a profound transformation of its religious landscape. Alongside the revival of traditional Tibetan Buddhism, Christianity – previously marginal in public and spiritual life – has expanded rapidly. This article examines the rise of Christian communities in post-1990s Mongolia, with a focus on external factors contributing to this process, particularly the strategic involvement of the United States. Drawing on an analysis of religious policy, NGO activities, educational initiatives, and humanitarian programs, the author argues that Christianity has served as one of the channels for projecting U.S. soft power in Mongolia.

Key words: Mongolia, Christianity, soft power, religious policy, United States, NGOs, cultural influence, geopolitics.